

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СИТУАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНВЕРСИИ (НА ПРИМЕРЕ БЛАГОВЕЩЕНСКА И ХЭЙХЭ)

И.Ю. Окунев, Д.В. Басова, М.И. Тисленко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр.Вернадского, 76.

В настоящей статье представлены результаты коллективного исследования пространственной идентичности. Авторы анализируют пространственную конфигурацию на российско-китайском пограничье между Благовещенском и Хэйхэ, рассматривая её в качестве социального конструкта. Сделана попытка выявить механизмы формирования пространственной идентичности на границе, которая характеризуется высокой интенсивностью экономических, политических и культурных потоков. В китайском городе Хэйхэ авторы констатируют наличие запроса на большую интеграцию с российской стороной, и, как следствие, открытость к российскому влиянию. Иначе видится реактивное восприятие своего китайского «соседа» жителями Благовещенска.

Традиционно выделяются два главных территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности или, другими словами, маркирование ментальных границ сообщества «Мы» и актуализация «Других». Угрозы безопасности, точнее, дискурс о них, формирует образ «Других», на противопоставлении себя которым и складывается нация и ее геополитический код. Наличие в каждой стране устойчивых центр-периферийных отношений наводит на мысль о существовании третьего механизма государственного строительства – внутреннего «Другого». Процесс межрегиональной дифференциации в рамках государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией позволяет выявлять территории, нуждающиеся в специальных мерах, направленных на сохранение их соответствия национальным нормам, а тем самым – и государственности. Историю российской государственности, правомерно интерпретировать как процесс периодического искусственного воспроизводства полупериферии, закреплявшего ментальные границы внутреннего «Другого». Полупериферией становились окраинные колонизируемые территории, которые создавали у других территорий привлекательный образ русского государства и дотировались в ущерб внутренним российским регионам.

Выводы исследования строятся на основании серии полевых исследований в двух городах, в ходе которых использовался ряд социологических и качественных методов сбора и анализа данных. Авторы делают вывод о том, что в Благовещенске и Хэйхэ сформировались различные паттерны пространственной идентичности, детерминированные официальным дискурсом и обыденным воображением.

Ключевые слова: критическая геополитика, пространственная идентичность, дискурсивные практики, социально сконструированное пространство.

Проводя геополитическое исследование, следует различать абсолютное и относительное пространства. Рассмотрение пространства как социально конструируемого феномена (относительное пространство) не равносильно отрицанию физического (абсолютного) пространства [5, с. 13–14]. В то же время это не означает, что пространство представляет собой неподвижную структуру, которую нельзя измерить геохронополитически. Социально конструируемые пространства имеют черты сосуда [10], вбирающего в себя социальные действия, которые могут оказывать влияние как на социальную жизнь, так и на характеристики самого пространства. Такой подход ставит вопрос о том, как люди действуют или взаимодействуют в этом пространстве и как они передвигаются внутри или между такими пространствами.

Исследуя пространство как социальный конструкт, мы превращаем его в относительную категорию. В терминах количественной методологии пространство является зависимой переменной, объектом исследования. Исследователь может ставить перед собой вопросы: как люди представляют пространство, думают о нём; как они конструируют, создают и изменяют пространство; как приспособляют пространство к своим потребностям и ориентируются в нём? Изучая пространство, мы предлагаем придерживаться следующей структуры анализа, включающего изучение: 1) воображения о пространстве; 2) создания пространства; 3) освоение пространства; 4) взаимодействие в пространстве; 5) отношения и передвижение между пространствами.

Города как единицы пространства отличаются друг от друга. Также имеет значение, как эти различия исследуются. Выводы, полученные в результате использования количественных и качественных методов исследования городов, принципиально отличаются [12, р. 103–105]. На это обратили внимание немецкие исследователи, которые ввели представление об индивидуальной, или подлинной «логике» городов [9].

Применение общих социально-научных концепций и комплексного сравнительного анализа позволяет обнаружить различия между городами, которые, тем не менее, не достаточны для выявления особых параметров, характерных для данного конкретного города. Многомерный статистический анализ чаще всего подтверждает известные сведения о данном городе и общие характеристики городской среды. Между тем подлинная «логика» городов требует детального исследования, нацеленного на рассмотрение городов не как особых случаев некоей совокупности, а на выявление своеобразия городских практик и их значения настолько точно, насколько это возможно. В терминах М. Фуко города можно сравнивать только вне категоризирующих стратегий «идентификации» или «характеризации» [11, р. 153–168]. При этом исследование города

продвигается сегодня от общих социетальных проблем в сторону эмпирической данности, от города – к сравнительному изучению городов [7, р. 316–324]. С описанным концептом плюрализма городских жизненных миров (и даже реальностей) связан концепт пространства, которое уже не абсолютно, а относительно, основано на практике и потенциально гетерогенно [16, р. 240].

В эмпирических исследованиях редко встречаются индуктивные процедуры, направленные на поиск потенциально исключительных черт городов. Сказанное относится и к сравнению городов, так как отличительные характеристики его измеримы. Исключительное становится видимым посредством сравнения. Однако, за редким исключением (И. Тейлор, К. Эванс, П. Фрейзер [19]), качественные исследования сталкиваются с трудностями в доступе к городу как к объекту исследования. При изучении локальных практик исследователю требуется значительная абстракция для того, чтобы делать выводы о локальных структурах, демонстрируемых этими практиками. Предполагаемые формы воспроизведения данных структур (которые снова становятся локальными) опять же нуждаются в абстракции. Оперирование категориями «атмосфера» [8, р. 149–162], «облик города» (*habitus*) или «целостный образ» (*Gestalt*) [15, р. 35–42] позволяет преодолеть это затруднение. Однако упомянутые категории довольно расплывчатые и довольно абстрактные. Чтобы получить доступ к локальным структурам и формам их воспроизведения, целесообразно прибегнуть к методологически контролируемому объяснению символических представлений о городе, нарративов о нем [17]. Конечно же, символы передают информацию лишь косвенно. То, как города себя позиционируют и воспринимают – только один аспект символизации; второй аспект представлен городом как функциональным компонентом тектуры городских практик, той прослойки форм, в которых город сам себя воспроизводит.

Вопросы границ национального пространства зачастую служили предметом споров между государствами. Делимитация и демаркация границ означают формальное закрепление пространства, на которое распространяется государственный суверенитет. Однако с точки зрения конструктивизма, понятие «граница» имеет расширительное значение. Граница воспринимается как разделитель разных идентификационных или даже культурно-цивилизационных единиц, формирующий в сознании жителей некую ментальность.

Для анализа формирования пространственной идентичности при подвижной границе был выбран исследовательский кейс Благовещенск – Хэйхэ на российско-китайском пограничье. Первоначальная гипотеза данного исследования заключалась в следующем: российско-китайская граница на Дальнем Востоке, характеризующаяся подвижностью и условностью, определяет со-

■ Мировая политика

знание жителей пограничья и тем самым создаёт их особую пространственную идентичность.

21–25 августа 2015 г. исследовательская группа провела экспедицию в указанные города с целью изучения динамики формирования идентичностей в ситуации пространственной инверсии. Используя методы включённого наблюдения, исследовательская группа зафиксировала в Хэйхэ наличие элементов лимитрофной идентичности. Материалы собирались также в представительстве информационного агентства Синьхуа, Китайско-русской художественной галереи, Филателистическом центре российско-китайских отношений и других организациях.

Несмотря на географическую близость, геополитический и хронополитический дискурсы в Благовещенске отличаются от выявленных в Хэйхэ. В ходе работы был получен обширный устный, письменный и визуальный материал, в том числе из собрания Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского, выставок VI международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» и Благовещенского государственного педагогического университета.

Относительно взаимоотношений между Россией и Китаем А.Д. Воскресенский замечает, что здесь «появилась возможность направить возникающую в отношениях напряжённость в пограничную сферу, и граница могла изменяться в соответствии с соотношением других факторов» [1, с. 408]. Из этого утверждения можно сделать вывод о том, что на протяжении нескольких столетий граница между Россией и Китаем не только определялась заключёнными договорами, но и варьировалась в зависимости от сложившейся политико-экономической среды.

На современном этапе «вопросы истории формирования границ между Китаем и Россией выведены из сферы межгосударственных отношений» [1, с. 408]. Тем не менее, было бы не совсем корректно говорить о существовании непреодолимого рубежа между двумя «мирами», китайским и русским. Экономическое сотрудничество между Благовещенском и Хэйхэ размывает официальную границу. В частности, для жителей обоих городов отменён визовый режим, между городами налажено водное сообщение. 3 сентября 2015 г. в ходе первого Восточного экономического форума было объявлено о строительстве в ближайшие четыре года автомобильного моста через Амур в районе Благовещенства и Хэйхэ. Следующим шагом к сближению и налаживанию инфраструктуры для товаро- и пассажиропотоков может стать железнодорожный мост, о строительстве которого китайская и русская стороны ведут переговоры на протяжении 20 лет.

Несмотря на «сжатие» пространства на российско-китайском пограничье, горожане по разные стороны границы интерпретируют свое геополитическое положение по-разному, хотя соседство во многом формирует пространствен-

ную идентичность жителей Хэйхэ и Благовещенска.

Рассмотрим случай Хэйхэ. В сознании большинства горожан ориентация на Россию связана с российским капиталом. Сформировалось «коммерциализированное» представление о России как о стране, готовой в массовом количестве закупать китайские товары. Данное утверждение подтверждается наглядно тем, что все вывески торговых точек написаны китайскими иероглифами и кириллицей. Указатели на улицах также дублируются на двух языках.

Торговля в целом подстроена под стандартного российского покупателя: главная торговая улица называется «улицей российских товаров»; отсутствуют препятствия с валютой, так как наравне с юанями в ходу российский рубль. Широкое распространение российских названий и символики свидетельствует, помимо прочего, об узком и упрощённом представлении жителей Хэйхэ о России. Однако постепенное сближение способствует более глубокому проникновению российского элемента в китайскую среду, причём это проявляется на более высоком метауровне, в культуре. Важно отметить, что инициатива приобщения к российской культуре исходит не от российской, а от китайской стороны. В марте 2015 г. на главной улице города был установлен памятник А.С. Пушкину. Рядом с памятником открыт большой книжный магазин, в котором представлена русская классика и есть доступ к чтению русских авторов как классического периода, так и современности. По словам секретаря горкома Лю Гана, книжный магазин должен стать «иконой духовности города». Российско-китайская художественная галерея строится как будущая площадка двустороннего культурного обмена. Недавно начата практика проведения совместных культурных мероприятий уже приняла устойчивый характер. Так, в 2009 г. в Хэйхэ открылась совместная художественная выставка работ китайских и российских (из Амурского государственного университета) студентов. С 2010 г. в Хэйхэ и Благовещенске проходил фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» с участием творческих коллективов двух стран.

Таким образом, экономическое сотрудничество вкупе с активностью местных властей на данном направлении создаёт условия для проникновения российской культуры в китайскую среду. В представлении жителей Хэйхэ российско-китайская граница становится условной, так как цивилизационные пространства начинают сужаться и синтезироваться. В перспективе такое положение может привести к положительным последствиям, но также и к некоторым рискам.

Обратимся теперь к другому берегу Амура. Положение Благовещенска уникально не только ввиду его пограничности, но и вследствие того, что это единственный административный центр на границе РФ и КНР. Непосредственная бли-

зость к китайской границе вместе с периферийностью по отношению к центру стали факторами, вынуждающими благовещенцев контактировать с китайскими соседями, а именно с городом Хэйхэ провинции Хэйлуцзян, находящимся всего в восьмистах метрах от Благовещенска.

Подобное положение позволило некоторым исследователям говорить о Благовещенске и Хэйхэ как «городах-близнецах» [18], разделённых консеквентной с Амуром государственной границей. С позиций критической геополитики, на русско-китайском пограничье должна была сложиться особая модель пространственной идентичности. Встаёт вопрос, одинаково ли функционирует эта модель в Хэйхэ и Благовещенске. Анализ собранных в ходе экспедиции устных, письменных и визуальных материалов показал, что данная модель состоит из двух структурных элементов – идентичностей Благовещенска и Хэйхэ, которые по своей сути инверсивны.

Главной чертой благовещенской идентичности, в отличие от хэйхэйской, является намеренное противодействие культурной интеграции с Хэйхэ, опирающееся на опасение раствориться в культуре Китая. Данное противодействие обладает собственным метадискурсом, складывающимся из различных дискурсивных практик и нарративов.

Первый нарратив благовещенской идентичности: «Благовещенск – это форпост России на Амуре». Он обнаруживается в музейном пространстве, памятниках на набережной и интерпретации значения Амура в жизни горожан. Собранные дискурсивные материалы показывают несколько уровней пространственной идентичности благовещенцев, среди которых важное место занимает идентификация себя как «амурчан». Основной пласт краеведческой литературы, с которой ознакомились участники экспедиции, посвящён именно Амурской области и Приамурью, а не Благовещенску. Поддерживается историческая память об амурском казачестве, а самый крупный торговый центр носит название «Амурская ярмарка». В собрании Амурского областного краеведческого музея им. Г. Новикова-Даурского заключение Нерчинского договора 1689 г., установившего дипломатические отношения с Китаем, преподносится как провал русской дипломатии, так как по нему русские были вынуждены покинуть левый берег Амура и передать эти земли китайскому императору [3]. Особое внимание в основной экспозиции уделено обороне Благовещенска в 1900 г., когда ихэтуани (участники боксёрского восстания) обстреляли Благовещенск, и конфликт обернулся китайскими погромами в Благовещенске. Это событие описывается как героическое отражение амурскими казаками атак вероломных китайцев, покусившихся на русскую землю, а факт китайских погромов «деликатно» замалчивается. Другой важной темой музейного собрания является советско-японская война

1945 г., когда Благовещенск превратился в плацдарм для наступления на Манчжурию: разгром Квантунской армии (куда входили и китайские военные части) преподносится исключительно как победа над Японской фашистской угрозой.

Набережная Благовещенска выступает своеобразным транслятором рассматриваемого нарратива через установленные на ней памятники: пограничнику, следящему за противоположным берегом Амура, и бронекатеру, напоминающему о Манчжурской наступательной операции 1945 г. В подобном контексте Амур также становится объектом, вокруг которого конструируются смыслы: это не просто река, это – последний рубеж, отделяющий «их» от нас. Это свидетельствует о своеобразной пограничной психологии благовещенцев [6].

Непосредственно на улицах города виден и второй нарратив: «Благовещенск – часть Восточной Европы». Его характерным атрибутом мы считаем использование в топонимике предприятий общественного питания и иных сфер услуг названий, отождествляемых с Западом. Например, часто используются названия американских и европейских городов и регионов (ресторан «Париж 1930», магазины одежды «Woman of Hollywood» и «Montana», кафе «Савойя»); иногда русские названия пишут транслитом (бар «Tovarish», магазин одежды «Sarafan» и студия загара «Carramel»); многие названия, записанные кириллицей или латиницей, также «западного» происхождения (магазин «Jennifer», кафе «SharLot Cafe», бар «Celebrity», салон косметологии «Infiniti»). По нашему мнению, в этом просматривается желание жителей Благовещенска идентифицировать себя не с Азией, а с Западом, видеть себя его неотъемлемой частью [2, с. 169–170].

Наконец, наиболее важен в контексте нашего исследования нарратив «замалчивания» самого существования Хэйхэ. В противоположность «западной» топонимике, вывесок на китайском мало, причём они сконцентрированы в основном в районе таможни, а названия заведений китайской кухни не отражают специфики положения Благовещенска: ресторан «Панда», кафе «Мистер Джеки» (аллюзия на Джеки Чана) и ресторан «Гонконг». Если в центре Хэйхэ названия улиц продублированы на русском языке, то в Благовещенске найти подобного нельзя. Непропорционально и количество туристических китайских групп, посещающих Благовещенск: их совсем немного, в то время как на улицах Хэйхэ можно обнаружить много русских шоппинг-туристов.

Таким образом, в самом Благовещенске трудно ощутить наличие «китайского соседа». Это позволяет говорить о том, что граница между Благовещенском и Хэйхэ воплощена не только в институциональных ограничениях со стороны властей, например, в сфере таможенного законодательства [13, р. 50], но и имеют реальное основание в виде нежелания жителей

■ Мировая политика

Благовещенска дальнейшей интеграции с Китаем. Примером подобного сопротивления можно считать и проект строительства моста через Амур, который соединил бы Хэйхэ и Благовещенск. Китайцы предлагали построить мост с 1994 г., но российская сторона всячески тормозила идею, ведь его воплощение означало бы изменение функции границы с барьерной/фильтрующей на контактную. Даже в другом частном случае – восстановление благовещенского парка Дружбы, символизирующего возобновление российско-китайских отношений в 1980–1990 гг. – наблюдается определённая незаинтересованность и инертность российской стороны в символическом и культурном аспектах связей между Благовещенском как частью России и Китаем [4]. В то же время отношение к Хэйхэ отнюдь не однозначно: с одной стороны, это действительно излюбленное место отдыха благовещенцев, своего рода поездка за город в первую очередь за покупками с другой стороны. Наличествует оценка Хэйхэ как своего рода «потёмкинской деревни», где за блестящим фасадом, подсвеченным со стороны набережной, скрываются грязь и хаос [14] Соответственно, обнаруживается двойственность в поведении благовещенцев, которые хотят пользоваться благами, находящимися по ту сторону границы, и в то же время не доверяют китайским соседям.

Таким образом, на основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

- Слияние экономического пространства с культурным сформировало особую пространственную идентичность жителей Хэйхэ. Отличительной чертой такой пространственной идентичности стало то, что она явилась результатом политики китайских властей.

- Инверсивность как стратегия противодействия культурному сближению Благовещенска и Хэйхэ проявляется в особом метадискурсе, который пронизывает пространственную идентичность благовещенцев на всех её уровнях. Рассматриваемый метадискурс сконструирован несколькими нарративами, чьи фреймы можно найти везде в Благовещенске: «форпост России на Амуре», «часть Восточной Европы» и нарратив «замалчивания существования соседа-близнеца». Существование подобных идентичных ограничений создаёт определённую амбивалентность в сознании благовещенцев, где переплетаются недоверие и интерес к посетению южного соседа.

Наконец, представленный кейс служит доказательством разрыва между абсолютным и относительным пространством, что представляет собой частный случай пространственной инверсии. Будучи локализованным в одной точке абсолютного пространства в ситуации существования контактной границы жители Благовещенска и Хэйхэ сформировали противоположные модели пространственной идентичности, существенно разделяющие их в пространстве относительном.

Список литературы

1. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский. МГИМО(У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Муравей, 2004. 603 с.
2. Тренин Д.В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». Москва: Европа, 2006. 404 с.
3. Материалы Амурского областного краеведческого музея им. Г. Новикова-Даурского, 2015 г.
4. Благовещенский парк Дружбы не отмечал 20-летний юбилей / Новостной портал «Амурская служба новостей». [Электронный ресурс] URL: <http://asn24.ru/news/culture/9666/> (дата обращения: 10.09.2015).
5. Baur N., Hering L., Raschke A.L., Thierbach C. Theory and Methods in Spatial Analysis. Towards Integrating Qualitative, Quantitative and Cartographic Approaches in the Social Sciences and Humanities // Historical Social Research. – 2014. – Vol. 39. – No. 2. – P. 13–14.
6. Bellacqua J. The Future of China-Russia Relations / Lexington: University Press of Kentucky, 2010. – P. 61–62.
7. Berking H. The Distinctiveness of Cities. Outline of a Research Programme // Urban Research & Practice. – 2012. – Vol. 5. – No. 3. – P. 316–324.
8. Böhme G. Die Atmosphäre einer Stadt // Neue Stadträume. Zwischen Musealisierung, Medialisierung und Gewaltlosigkeit / Ed. by G. Breuer. – Frankfurt, Basel: Stroemfeld/Roter Stern, 1998. – S. 149–162.
9. Die Eigenlogik der Städte : neue Wege für die Stadtforschung / Helmuth Berking; Martina Löw (Hg.) Frankfurt, M.; New York, NY: Campus-Verl. 334 S.
10. Einstein A. Preface to Das Problem des Raumes by Max Jammer, XII–XVII. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960.
11. Gehring P. Was heißt Eigenlogik? Zu einem Paradigmenwechsel für die Stadtforschung // Die Eigenlogik der Städte : neue Wege für die Stadtforschung / Helmuth Berking; Martina Löw (Hg.) Frankfurt, M.; New York, NY: Campus-Verl. 334 S.
12. Gehring P., Großmann A. Constructing Discursive Differences. Towards a "Logic" of Cities // Historical Social Research. – 2014. – Vol. 39. – No. 2. – P. 103–105.
13. Heaney Eoin M. MA Thesis: The Sino-Russian Border: Anatomy of a Problem Region / [Electronic resource] URL: <http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Completed%20Thesis.pdf> (дата обращения: 08.09.2015). – P. 50.

14. Kucera, J. Don't Call Them Twin Cities / Joshua Kucera / Slate. – 28.12.2009. – [Electronic resource] URL: http://www.slate.com/6_articles/news_and_politics/dispatches/features/2009/where_russia_meets_china/dont_call_them_twin_cities.html (дата обращения: 08.09.2015).
15. Lindner R. Der Habitus der Stadt – ein kulturgeographischer Versuch // PGM. Zeitschrift für Geo- und Umweltwissenschaften. – 2003. – Vol. 147. – No. 2. – S. 46–53.
16. Löw M. Raumsoziologie. – Frankfurt: Suhrkamp, 2001. – 320 S.
17. Lynch K.A. The Image of the City. – Boston: MIT Press, 1960. – 208 p.
18. Mikhailova, E. Appearance and appliance of the twin-cities concept on the Russian-Chinese border / The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences, Vol. XL-4/W3. – Bejiing, 2013.
19. Taylor I., Evans K., Fraser P. The Tale of Two Cities: Global Change, Local Feeling, and Everyday Life in the North of England: A Study in Manchester and Sheffield. – London: Routledge, 1996. – 416 p.

Об авторах

Окунев Игорь Юрьевич – к.п.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

E-mail: okunev_igor@yahoo.com.

Басова Дарья Владимировна – студентка факультета политологии МГИМО МИД России.

E-mail: daryara@yandex.ru.

Тисленко Мария Игоревна – студентка факультета политологии МГИМО МИД России.

E-mail: marie.tislenko@gmail.com.

THE CONSTRUCTION OF IDENTITIES IN SPACE INVERSION (THE CASE OF BLAGOVESHENSK AND CHEI-CHE)

I.Y. Okunev, D.V. Basova, M.I. Tislenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article represents a collective research of space identities at the Russian-Chinese border. The authors analyze the space configuration formed at the frontier of Blagoveshensk and Chei-Che regarding it as a social construction. It was an attempt to define the mechanisms of creating space identity at the flexible border marked by fluctuations of economic, political and cultural flows. There is a case of the Chinese town Chei-Che which is more open towards a Russian influence as well as to a deeper integration with the Russian side. Besides, there is a case of Blagoveshensk and its residents' perception of their Chinese "neighbor".*

Two major spatial bases of stateness are traditionally singled out: nation-building and threats to security or, in other words, labeling mental boundaries of community "Us" and actualizing "Others". Threats to security or, rather, a discourse on them, form "Others" image, on the opposition to which is based nation and its geopolitical code. Existing stable centre-peripheral relations in each country put some thought about the third state-building mechanism – internal "Other". Interregional differentiation within a state through establishing and maintaining the internal mental boundaries between centre and periphery comprises a mechanism to identify territories which need support to continue to act in compliance with national norms and thereof to facilitate stateness. Russian history could be interpreted as a periodic artificial reproduction of semi-periphery which sets the mental boundaries of internal "Other". Suburban colonized territories which created an attractive image of Russian state in other territories' eyes and were funded to the detriment of Russian internal regions became semi-periphery.

The research conclusions derive from series field research made in two-cities, during which some sociological and qualitative methods were used. The authors make a conclusion that Blagoveshensk and Chei-Che have two different patterns of space identities determined by official discourse and ordinary perception.

Key words: critical geopolitics, space identity, discursive practices, socially – constructed space.

References

1. Voskresenskii A.D. China and Russia in Eurasia. Historic dynamics of political interaction. MGIMO-University, The Institute of the Far-Eastern studies. – M.: Muravei, 2004. 603 s.
2. Trenin D.V. Integration and Identity: Russia as a “new West”. Moscow: Europe, 2006. – 406 s.
3. The Materials of the Amur museum of regional studies of G. Novikov-Daurskii, 2015.
4. “Blagoveshensk’s park of Friendship did not celebrate its 20th anniversary. Amur news media. <http://asn24.ru/news/culture/9666/> (дата обращения: 10.09.2015).
5. Baur N., Hering L., Raschke A.L., Thierbach C. Theory and Methods in Spatial Analysis. Towards Integrating Qualitative, Quantitative and Cartographic Approaches in the Social Sciences and Humanities. Historical Social Research. 2014. Vol. 39. No. 2. P. 13–14.
6. Bellacqua, J. The Future of China-Russia Relations. Lexington: University Press of Kentucky, 2010. P. 61–62.
7. Berking H. The Distinctiveness of Cities. Outline of a Research Programme. Urban Research & Practice. 2012. Vol. 5. No. 3. P. 316–324.
8. Böhme G. Die Atmosphäre einer Stadt in Breuer, Gerda (Hrsg.). Neue Stadträume. Zwischen Musealisierung, Medialisierung und Gewaltlosigkeit Frankfurt, Basel: Stroemfeld. Roter Stern, 1998. P. 149–162.
9. Berking H., Löw M. (eds.) Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung. Frankfurt, NY: Campus, 2008. 335 p.
10. Einstein A. Preface to Das Problem des Raumes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960.
11. Gehring P. Was heißt Eigenlogik? Zu einem Paradigmenwechsel für die Stadtforschung in Berking H., Löw M. (eds.) Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung. Frankfurt, NY: Campus, 2008. P. 153–168.
12. Gehring P., Großmann A. Constructing Discursive Differences. Towards a “Logic” of Cities. Historical Social Research. 2014. Vol. 39. – No. 2. P. 103–105.
13. Heaney, Eoin M. MA Thesis: The Sino-Russian Border: Anatomy of a Problem Region. URL: <http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Completed%20Thesis.pdf> (дата обращения: 08.09.2015).
14. Kucera, J. Don’t Call Them Twin Cities. – 28.12.2009. URL: http://www.slate.com/6_articles/news_and_politics/dispatches/features/2009/where_russia_meets_china/dont_call_them_twin_cities.html (Date: 08.09.2015).
15. Lindner R. Der Habitus der Stadt – ein kulturgeographischer Versuch. PGM. Zeitschrift für Geo- und Umweltwissenschaften. 2003. Vol. 147. No. 2. P. 46–53.
16. Löw M. Raumsoziologie. Frankfurt: Suhrkamp, 2001. 320 p.
17. Lynch K.A. The Image of the City. Boston: MIT Press, 1960. 208 p.
18. Mikhailova, E. Appearance and appliance of the twin-cities concept on the Russian-Chinese border. The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. Vol. XL-4/W3. Beijing, 2013.
19. Taylor I., Evans K., Fraser P. The Tale of Two Cities: Global Change, Local Feeling, and Everyday Life in the North of England: A Study in Manchester and Sheffield. London: Routledge, 1996. 416 p.

About the authors

Igor Y. Okunev – Ph.D. (Cand.Polit.Sc.) in Political Science, Associate Professor, Department of Comparative Politics. E-mail: okunev_igor@yahoo.com.

Daria V. Basova – student at the department of Political Science, MGIMO-University. E-mail: daryara@yandex.ru.

Marie I. Tislenko – student at the department of Political Science, MGIMO-University. E-mail: marie.tislenko@gmail.com.